

Евгений Захаров

*Покушение
Аллисы*

Маленькая пародия
на большого Булычёва

Евгений Захаров

**Покушение Алисы. Маленькая
пародия на большого Булычёва**

«Издательские решения»

Захаров Е.

Покушение Аллисы. Маленькая пародия на большого Булычёва /
Е. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938173-6

Кир Булычев открыл нам девочку из будущего Алису. Но почему бы во Вселенной не быть ее полной противоположности? Аллиса — воровка, преступница, террористка и отчаянная врунья! А дальше — все как у Булычева. Дневники капитанов, археолог Крокозябра, капитан Полозков, механик Голубой, доцент Ползучий, а также отчаянно редкие звери, загадки планет и космические пираты. Хотя какие пираты могут сравниться с такой бестией, как Аллиса?

ISBN 978-5-44-938173-6

© Захаров Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Покушение Алисы Маленькая пародия на большого Булычёва

Евгений Захаров

Сага 2121 года

(маленькая пародия на большого Булычева)

© Евгений Захаров, 2018

ISBN 978-5-4493-8173-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Дочь-ворюга

Я долго думал, как же мне назвать рассказ о наших приключениях. Ведь название у повести должно быть оригинальным, не так ли? Во-первых, книгу с интригующим заглавием охотнее раскупают. Во-вторых, я же все-таки профессор, лауреат многих конкурсов, то есть конгрессов, то есть... Короче, лауреат и все! И моя книга не должна иметь названия вроде «Остров попорченного коррозией генералиссимуса» или «День рождения моей нежно любимой дочурки». Поэтому о каком будущем для книги можно говорить, если она именуется «Путешествие Аллисы»? (такое название предлагал мой литагент, но я его забраковал.)

И все же мне пришлось наступить на горло гордости, взять предложенное агентом название, но зато изменить всего одно слово – и получилось чрезвычайно интригующе и на редкость оригинально. Это вам не яблочный компот!

Прошу прощения за невольное отклонение от темы. Итак, рассказывать обо всем, не пропуская ни одной мелочи, я, разумеется, не собираюсь. В этом случае мне пришлось бы описывать свою и Аллисину внешность, прошлость и будущность, а лишнее узнавание, всенародная слава и бьющиеся в истерике поклонники нам ни к чему, да еще и мой хрустальный шар для взглядов в будущность недавно разбился.

Таким образом, вы никогда не узнаете, к примеру, о том, как однажды моя негодная дочь за одну ночь ограбила все школы и музеи нашего района. Видите ли, она собиралась набрать денег себе на билет на матч по скоростной резке линолеума между планетами Земля – планета Мистер Фикс. Нет-нет, об этом я поклялся не рассказывать никому. Но не только об этом. (Да, вооружившись фотонным утюгом с космической монтировкой и ворвавшись в мой дом, вы могли бы узнать от беззащитного профессора много интересного!)

Например, о том, как, утащив огромный слиток золота из школьного музея, Аллиса решила замести следы и сожгла почтенное учебное заведение. А затем, чтобы уж наверняка, подожгла и три соседних дома.

Арестовали меня спустя час. Да и как можно было не отыскать окаянного поджигателя, если возле каждого места преступления он забывал то очки, то галстук, а то – пожалуй, это задело меня сильнее всего – почетную грамоту тридцатилетней давности «Победителю олимпиады по поеданию пирцев и хрумсов среди учеников первых классов», то есть, мне. Конечно, сейчас я не первоклассник, но когда-то им был, честное ноябрытское! (Кстати, с тех пор пирцы терпеть не могу, а от вида хрумсов меня неуклонно начинает уводить в сторону совмещенного санузла.)

Конечно, благодаря помощи коллег, а равно и вызванному кое-кем из них отряду спецназа для штурма тюрьмы, я освободился довольно быстро. Но и Аллиса получила свое! Тем же вечером я созвал семейный совет (мама, как обычно, где-то летала, но я мог бы поклясться, что уже несколько раз видел женщину, похожую на мою жену, выходящую из подъезда дома, в котором проживает мой друг капитан Полозков), в состав коего вошли, кроме меня, Аллиса и наш домроботник Гроля. У Гроли был лишь один дефект – раздвоение личности, одну из его половин звали Гриша, другую же – Поля. Если Поля был образцовым роботом-домохозяином, то Гриша целыми днями писал какие-то политические программы и жрал килограммами яблоки, которые, к сожалению, не приносили никакого вреда его стальному организму. Вдобавок он всегда забывал выключать свет в туалете (хоть убей меня Бог – не пойму, что он там делал?) и не смазывал коленные суставы, немилосердно скрипя ими во время передвижений по дому.

На заседании совета я торжественно разорвал Аллисин билет на матч, после чего как следует отодрал воровку ремнем и отправил спать без ужина. Робот (на сей раз его звали Гриша) пробовал возражать против телесных наказаний и даже ссылаясь на какие-то загадочные и давно забытые Права Ребенка, но я пригрозил вспомнить про Первую Поправку к Правилам Роботехники, и Гришу унесло мыть посуду.

Вот, собственно, и предыстория к истории. А теперь можно перейти и к приключениям.

В то лето я готовился к очередной экспедиции за редкими зверями для зоопарка на нашем корабле «Беллерофонт». Это дикое название звездолету дал наш механик по фамилии Голубой, и я не смог помещать именованию – он поставил меня перед фактом, показав огромную кривую надпись на боку корабля. Как он сотворил ее за одну ночь – понятия не имею.

Занимались мы преимущественно отловом редких зверей, но, даже если какой-нибудь из редких зверей при этом и страдал, мы не унывали – из музеев естественной истории на чучела редких зверей у нас тоже были заказы, а я еще в юности параллельно биологическому образованию приобрел выгодную профессию таксидермиста.

Аллиса тоже хотела полететь со мной – заодно попала бы на линолеумный матч, он проводился на Луне, где мы планировали заправиться: всем известно, что на Луне самое чистое топливо. Но из-за своего безобразного поведения она была лишена подобного удовольствия. Не заправиться, конечно, а на матч сходить.

До сих пор не идет у меня из головы вопрос: что нашло тогда на мою дочь? Обычно она устаивала не больше трех проказ в неделю. Но на той памятной неделе она уже совершила свои три – перепрограммировала наш домофон, и тот поливал всех посетителей отборнейшей бранью; взяла на «слабо» любителя мороженого Электроника Иваныча, сотрудника моего зоопарка, и довела его до полного обморожения внутренностей (свои порции Аллиса предусмотрительно совала в сумку на животе, где их уничтожал мини-дезинтегратор); ну и, наконец, накануне экзаменов она подбросила в учительскую опытный образец лилового шара, в результате чего экзамены пришлось отменить, а учительский состав, соответственно, заменить...

Так что происшедшее приходится объяснять лишь одним – Аллиса вступила в переходный возраст. Боюсь, скоро мне придется объяснять ей насчет птичек и пчелок, а также, не дай бог, пирцев и хрумсов, но это в самом крайнем случае. Ну да ладно, время еще есть. А пока вернемся к тому, на чем застряли.

Глава 2

Тридцать четыре кролика

Последние три дня перед отлетом прошли в трепыханиях, непонятках и грязной мышинной возне, так что Аллису я почти не видел. Да и не до нее мне было тогда. В конце концов, засовы у нас дома крепкие, да и Гроля настроен на режим стрелять без предупреждения при малейшем поползновении дочери покинуть детскую. Словом, Аллиса могла сбежать разве что через окно, но способностей к левитации я за ней пока что не замечал.

Некоторые читатели, наверное, уже давно спросили себя, почему мы так странно назвали нашу дочь? Пользуясь случаем, поясню. Мы с женой долго спорили, как же наречь нам будущую крошку. Жену устраивало имя одной старинной исполнительницы ресторанных шансонеток – Алла, я же насмерть стоял за свое любимое животное – лису. Наконец компромисс был найден, и назвали мы девочку Аллисой. Все же уменьшительно-ласкательно жена звала дочку Аллочкой, я же более научно – Феньком. Вот вроде бы с именами и все.

Ах, да! Я же не представился сам! Я – профессор Зелезнев. В некоторых иноязычных публикациях мою фамилию печатали и как Железнов, и как Зилазнов, а как она произносится на арктурианском, вы и сами, небось, знаете, а мне про такое писать стыдно.

Итак, повторюсь, перед отлетом у меня было много забот. Во-первых, надо было проверить все ловушки, приманки и капканы, и при этом не попасться ни в одно из этих хитроумных средств.

Во-вторых, необходимо было срочно побриться.

В-третьих, раз уж по дороге мы будем останавливаться на разных планетах в целях заправки, необходимо было взять с собой различные грузы и посылки, которые, как водится, передают с попутным транспортом. В данном случае этим попутным транспортом и являлся наш «Беллерофонт», и десятки сопроводительных бумажек были любезно вручены скрипящему от злобы зубами капитану Полозкову -славному парню, никогда не снимающего пилотки со своей необыкновенной головы.

А что он мог поделывать? Как ни убеждали мы нашего механика, что проще было бы загрузить корабль топливом и заправляться самим, а не платить за это неизвестно кому на каких-то Богом забытых планетах, да еще и почтарями при этом подрабатывать, Голубой только топорщил бороду и важно говорил о некоторых ученых, которые пусть занимаются своими учеными делами и не лезут с советами к многоопытным механикам.

Мы с капитаном перестали лезть к многоопытным механикам и принялись изучать списки передачек и посылок, которые нам предстояло раскидать адресатам. Чего там только не было! Холодильники для вулканоголов Марса, черная икра на развод для водолазов Малой Медведицы, бумажный клей для спелеологов системы БФ-3, теплые попоны для жителей Альфа-Центавра, хулахупы для сатурнян, намордники для населения созвездия Гончих Псов, миртовое дерево для шляпных дел мастеров с Мицара (у них как раз намечалась свадьба, а какая свадьба без эмблемы?), а также два ящика порножурналов для очень одинокого геологоразведчика с Титана.

В конце концов наш «Беллерофонт» распух и погнулся, став похожим на филиал складской базы или на нашего корабельного кока Можейку в момент отказа от постоянной диеты (которая, впрочем, помогала ему, как собаке – другая собака).

Кстати, о диете. За две суетливые недели я похудел на шесть килограммов, а наш капитан Полозков постарел на шестьдесят лет, отрастив белую косматую бороду, сгорбившись и вооружившись клюкой, и под этим смехотворным предлогом отказавшись нам помогать при погрузке.

Жалея, что не придумал такой трюк первым, я пошел заканчивать последний осмотр корабля. Вроде все было в порядке. Смущали меня лишь несколько десятков закрытых загончиков, занимавших почти целый отсек. Загоны были тщательно задрапированы шторками, а на дверцах висели таблички с неровно выведенными буквами: «Сдес крольки», «И тута крольки», а также «Не сматреть – крольки бояца». Все это было очень подозрительно, но я, списав все на усталость и старческий маразм Полозкова, отправился на боковую.

В ночь перед отлетом я спал плохо. Мне чудилось, что в загонах таинственные «крольки» затеяли игру в преферанс. Пару раз я отчетливо слышал удары картами по носу, а также скабрзные поговорки про «полковника с тремя тузами» и «по голове канделябром». Но спать хотелось, поэтому я, послав подальше кроликов-картежников, решил разобраться утром.

Утром же все вылетело у меня из головы, так как меня ждал еще один приятный сюрприз – перегруз груза.

Полозков и Голубой подначивали кока Можейку, говоря, что весь перегруз сосредоточился в бравом поваре. Можейка огрызался и предлагал сократить перегруз за счет поедания съестных припасов, которые он, Можейка, обещал восполнить в первом же порту.

Только мы договорились о том, что избавимся от запасов клея, как за бортом раздался мощный крик:

– А где тут прохвесор? А подать сюда прохвесора!

Чертыхаясь и поминутно наступая на валяющиеся повсюду коробки и свертки, я пробрался к люку и выглянул наружу. Перед кораблем стояла погрузочная тележка, возле которой нетерпеливо притопывала ногой приземистая бочкообразная старуха с роскошными усами, похожими на помазки. Бабка попыхивала сигареткой, и я с опаской посмотрел по сторонам: курение на космодроме было под строжайшим запретом. Еще не хватало быть арестованным за соучастие в преступлении!

– Здрасьте, – сухо сказал я. – Чего изволите?

Старуха цыкнула зубом, уронила сигарету на бетон и проворно завозила по ней ножищей в уродливом ботинке-грязеступе.

– Ты, што ль, прохвесор? – рыкнула она.

– К вашим услугам, – снял кепочку я.

– Слышь, будь друг, закинь на Альдебаран посылку внучку, – безо всяких «пожалуйста» буркнула непочтительная особа.

– Щаз, – высунулся из люка Полозков. – У нас и без того перегруз груза!

– Меня это не касается, – сипела бабка, – а только тортик внучеку непременно отправить треба.

– Почтой отправляйте! – проревел пантерой капитан. – И вообще, не лезьте к нам со своими дурацкими тортами!

– Сам дурак, – пыхла старуха, волоча на тележке злосчастный торт к кораблю. – Я не тя прошу, а прохвесора!

– Тащите, тащите! – раздался ликующий голос позади нас. – Мы его сами съедим!

И на свет явилась красная физиономия Можейки. Взглянув на полностью заполнившее собой проем личико нашего кока, бабка тут же поверила в печальную судьбу, ожидающую тортик, и тут же ретировалась вместе с тележкой.

– Поздравляю, – искренне сказал капитан. – Хоть какая-то польза от твоего обжорства.

Обиженный мастер половника и скалки убрался на камбуз.

– Кстати, зачем ты столько кроликов набрал? – неожиданно спросил меня Полозков.

– Я? – изумился я. – Мне казалось, что это твоя работа.

– Понятно, – отозвался Голубой, хотя его никто не спрашивал, да и вообще неизвестно, откуда он появился. – Шеф-повар постарался. Заботится о вкусной и здоровой пище. Друг желудка.

– Да я не готовил еще ничего! – донесся крик из камбуза. – Сами натащили зверей, причем не редких абсолютно.

– Тогда я ничего не понимаю, – развел руками капитан.

А вот я, кажется, начал что-то соображать. Я взял палку поувесистее и решительно двинулся к загончикам. При моем приближении в загонах засуетились, стали поплотнее задергивать шторы и забиваться в темные углы. Но со мной эти номера не проходили. Недаром я пять лет преподавал в МГТУ имени Баумана! (Или то было АрхТУ имени Шлимана?) Преодолев сопротивление и раздвинув шторы, мне открылись множество глаз, смотрящих на меня с подозрением, граничащим с ужасом.

– Вон отсюда, разгильдяи! – загремел я, и из клеток быстрее ветра вылетели несколько десятков детей среднего школьного возраста. Из последнего загона выбралась чрезвычайно мрачная Аллиса.

– Как это понимать, непокорная дочь? – нахмурил брови я.

– Мы все хотели на матч, – уныло откликнулась Аллиса. – А теперь полечу только я.

– Ты уверена? – язвительно поинтересовался я.

– Само собой. Ночью я заложила на корабле бомбу. Если не возьмете меня с собой – останусь я без папочки. Очень жалко. Зато с жилплощадью буду – квартира-то на маму записана.

Заскрипев зубами, я свирепо воззрился на доченьку, но ее, похоже, это не смутило. Чмокнув меня в нос, она торжественно прошествовала в кают-компанию. Полозков при виде ее торопливо удалился на мостик, а Голубой застонал и прижал ладони к вискам. Из камбуза показалась приветливая физия Можейки. Он один искренне радовался Аллисиному обществу.

– Вы сговорились! – и я, гневно заплевав блестящий пол, отправился в свою каюту: необходимо было завершить подсчет стоимости груза, просчитать, сколько мы сможем откусить от исходной суммы, а заодно и прикинуть, где эта мерзавка спрятала взрывчатку.

Глава 3

Кто слышал о трех капитанах?

– Мы идем на футбол! – триумфально завопила Аллиса, подбегая к моему столику.

Я сидел в громадном зале лунного ресторана и пил кофе, коротая время до нашего отлета. Старт был назначен на следующее утро, но и я был не промах – заказал себе пять литров турецкого кофе маленькими чашками-наперстками, так что впереди была веселая ночь.

– Кто это «мы», позвольте вас спросить? – осведомился я. – И где ты взяла деньги на билеты? Надеюсь, не из кармана моего пиджака?

– Что ты, папа? – искренне оскорбилась дочь. – Как ты мог такое подумать? Обворовывать кровных родственников – это грех. Я продала черную икру из нашего почтового груза. Так что о карманных деньгах на ближайший месяц можешь не беспокоиться.

– Рад слышать, – кисло сказал я, лихорадочно соображая, как мне сообщить трагическую новость несчастным водолазам с Малой Медведицы. Теперь у них целый год не будет свежей осетрины на обед.

– А иду я на матч не одна, – продолжила между тем Аллиса. – Вместе с Можейкой. Он тоже болельщик. У него и шарф припасен.

– Там холодно? – обеспокоился я.

– Нет, он им махать будет.

– Мух отгонять, что ли?

– Папа, ну какой ты нудный! Это же футбол!

– Отмирающий вид спорта. Никогда не понимал футбола. И еще подумаю, отпускать ли тебя.

– Даже с коком?

– Да хоть с Куком!

– Я, хоть и не кок, и даже не Кук, но на футбик тоже пойду, – влез механик. – А то, действительно, за этой парочкой глаз да глаз нужен...

Мне стало легче. Хоть одной головной болью будет меньше. Зная, что Аллиса побаивается строгого Голубого, я мог быть спокоен по крайней мере за честный исход межпланетного матча.

Когда веселая троица, щебеча, удалилась, я щелкнул пальцами, требуя очередную порцию кофе. И тут мерное жужжание и гул, наполнявшие зал, были расколоты вдребезги знакомым громовым голосищем:

– Плевать на мой лысый череп, кого я вижу?!!

В дверном проеме стоял не кто иной, как мой закадычный друг и однокашник Крокозябра. Я не виделся с ним со времен учебы в аспирантуре, но ни на минуту о нем не забывал. Да и как можно было забыть огромную четырехметровую зверину с полуметровой пастью, семью щупальцами и некоторым количеством глаз, которые по желанию их обладателя размещались то на его широкой морде, то вокруг всей его плешивой головы?

Но забыть этого толстомордого аспиранта я не мог и по другой причине. Именно он спас меня от завала на кандидатских, мастерски откусив голову моему чрезвычайно требовательному руководителю. Крокозябру спешно перевели на археологический факультет, меня же под шумок оформили на место почившего в бозе профессора. Кстати, именно так я и получил свое звание, не без помощи моего милого Крокозябры!

– Зелезнев! – ревел тем временем мой друг, разбрасывая столы и отшвыривая в стороны зазевавшихся посетителей. – Зелезнев, старина! Нет, ну это же надо! Сколько световых лет,

сколько зим, осеней и этих, как их там... Ну, неважно! Какими судьбами, биолог ты мой ненаглядный?!

– Мы летим за зверями, Крокозябра! – сказал я.

– За зверями? Это замечательно! – с чувством глубокого отвращения сказал Крокозябра. Он никогда не разделял моего пристрастия к разным тварям и поступал в институт на биофак из солидарности со мной, ибо я был единственным из землян, кто не стал заикаться от встречи с ним, и даже не требовал надеть на этокое чудище напастник и штаны.

– Скажи на милость, зачем тебе еще звери? – уныло поинтересовался мой друг. – У тебя и так все Козоо битком.

– Есть такое слово – «надо», – вздохнул я. Не могу же я объяснять такому недалекому существу, что еще есть такие понятия, как «перерасход средств», «недостача» и «ревизия»?

– Понятно, – замахал щупальцами Крокозябра. – Дело есть дело. Но в этот вечер надо забыть обо всех делах, кроме нашей встречи. Это надо отметить! Официант! Четыреста чашек вальерьянки и салат с супом!

– Крокозябра, ты же всегда брал шестьсот чашек! – вскричал я. – Ты бросил пить?

– Это для тебя, – строго сказал мне археолог, – Как и салат. Сам я ограничусь супом.

Я мысленно крикнул, но знал, как мнителен мой друг, и решил пока от выпивки не отказываться – обманутый в лучших чувствах Крокозябра за себя не ручался.

– Ну, как жизнь? – допрашивал меня Крокозябра. – Как дочка? Уже говорит?

– Говорит? – я саркастически засмеялся. – Да будет тебе известно, что пить, курить, говорить и воровать она начала одновременно! Правда, курить мы ее потом отучили под гипнозом, но только табак. Впрочем, это совсем не интересно.

– Эх, профессор! – расчувствовался мой друг, и струи едкой жидкости, хлынувшие из его глаз, прожгли неаккуратные дыры в скатерти и столешнице. – Детишки растут, а мы с тобой?

– Все те же, Крокозябра, – утешил его я. – Ты-то уж, во всяком случае.

– Да! – усы у моего друга встали дыбом. – Мы с тобой, Зелезнев, еще заткнем их всех за пояс!

В доказательство своих слов он схватил щупальцем сидящую напротив туристку и одним махом сунул ее за свой роскошный кушак.

– Крокозябра, что ты наделал? – воскликнул я. – Тебя неправильно поймут!

– Пардон, пардон, – мой друг извлек из-за пояса истошно верещащую туристку. – Тысяча извинений. Великий археолог современности Крокозябра просит прощения!

Несчастливая заверещала еще громче.

– Зелезнев, – обратился ко мне Крокозябра. – У меня нет слов. Скажи этой юной леди, что, если она не закроет пасть, я открою свою, и буду вынужден заявить: «Извините, но мои зубы на вашей шее!»

К счастью, туристка уловила слова моего друга, потому что тут же замолкла и пулей вылетела из ресторана.

– Исключительно возбудимое существо, – заметил Крокозябра, садясь на стул. – Ей надо лечиться электричеством. И чем больше вольт – тем лучше.

– Пойдем отсюда, – предложил я. – Нам лишние неприятности ни к чему.

– А что, здесь кто-то собирается устроить нам неприятности? – кротко спросил Крокозябра.

– Ладно, это я так, не подумавши, ляпнул, – пришлось покаяться мне.

Мы помолчали, вспоминая прошлое. Робот-официант подкатил к нам тележку с вальерьянкой, супом и салатом. Салат Крокозябра отдал мне, а суп тут же пролил себе на голову-грудь, изукрасив ее капустой и луком. Затем, обратив внимание на тележку, он заметил:

– А почему здесь триста девяносто восемь чашек, а не четыреста?

– Четыреста, – заявил непроницаемым тоном робот. – У нас все точно. Как в аптеке.

– Аптека, – и археолог, покосившись на официанта, принялся считать. Пять раз он сбивался, выпускал едкий дым из ноздрей и ушей, после чего вновь начинал считать, бормоча и загибая щупальца.

– Крокозябра, – решил отвлечь его я. – Ты уже весь ресторан завонял. Прекрати, пожалуйста.

– Они меня еще будут учить считать! – шумел археолог. – Аптекари!

Наконец он унялся. К счастью, он, видимо, забыл, что спиртное предназначалось мне, и приступил к осушению чашек. Выпив полсотни, он посмотрел на меня полными вселенской скорби глазами, упер уши в лапы и заплакал.

– Все меня ненавидят, – хныкал он, трубя в ужасный носовой платок. – Меня никто не любит!

– Да ты гонишь! – вспомнил я словечко славных институтских времен. – Все тебя любят, Крокозябра! Только в душе.

– Ну да, – уныло отозвался мой друг. – Всюду ложь, воровство и обман. И сквозняки!

– Балда, – убеждал его я. – Ты самый замечательный археолог в мире! Вот скажи мне, у какого еще археолога есть такие прекрасные густые волосы в носу? А эти усы? Боже, какие усы! Я бы все отдал, чтобы иметь такие! Причем заметь, что я еще ни слова не сказал о твоих щупальцах! Разве я не прав?

– Ты преувеличиваешь, – прогнусил явно польщенный Крокозябра.

– Таких археологов ни на одной планете больше нет! – убежденно сказал я. – Разве что на твоей.

– Да! – приосанился мой друг. – На Барбароссе мне уж точно нет равных!

Воодушевленный таким выводом, он осушил еще с сотню чашек, после чего посмотрел на меня мутным взглядом.

– Так. Мы с вами не беседовали вчера? – спросил он заплетающимся языком.

– Крокозябра, ты тупишь, – и я сунул ему свою порцию салата. – Кто же пьет, не закусывая?

Великий археолог, увозившись салатом по уши, одарил меня чуть более осмысленным взглядом.

– Раз ты ко мне так, то и я, – невнятно пообещал он. – Вот ты слышал о планете Капитанов?

– Постой-ка... Нет, не слышал. А что?

– Ничего. Я тоже не слышал. А хотелось бы... – и Крокозябра вновь загрузил, роня шипящие слезы в валерьянку.

– Возможно, я мешаю, – раздался вдруг жестяной голос за нашими спинами. – Но, мне кажется, я смог бы удовлетворить ваше желание.

– Смог бы, – тяжело вздохнул мой друг. – Валерьянки. Еще столько же. И два салата без супа.

– Вы не поняли, – продребезжал официант. – Я кое-что знаю о планете Капитанов.

– Это превосходно! – всплеснул руками я. – Скорее, расскажите нам о ней!

– Ага, – раскатисто поддакнул мне Крокозябра. – А заодно и о том, где ты достал столь ценную и редкую информацию.

– Не могу, – закатив линзы, отозвался робот. – Она мне слишком дорого обошлась.

– Жизнь? – воздел брови археолог.

– Что вы! Намного дороже! Два звездолета и чертеж новейшей сантехнической системы «Гусак-8»!

– Несмертельно, – заключил Крокозябра. – А вот как насчет поиграть твоей оторванной башкой в боулинг? Или провести блиц-соревнование по скоростной резке официантов плазменными резаками?

Официант задрожал так, что его хромированные запчасти загремели друг об друга.

– И так? – и мой друг жажнул сразу три кружки.

Робот подкрутил разболтавшиеся от дрожи детали, скрестил железные пальцы и начал:

– И так, в секторе 19—4, условно именуемом «Мушинные крапинки», есть небольшая необитаемая планетка...

– Погоди, – Крокозябра собрал свои глаза в пучок и с подозрением уставился ими на официанта. – Это «Ых-Кук-150», что ли?

– Д-да-а, – протянул робот. – А откуда вы...

– Хорошо, – и знаменитый археолог указал когтем на подсобку. – А теперь вали за близким моим сердцам настоем. Я продолжу рассказ за тебя.

– Крокозябрушка! – попытался унять друга я. – Ты же ничего о ней не знаешь!

– Это я не знаю? – фыркнул мой друг. – Я просто забыл. А сейчас вспомнил. Только я всю жизнь думал, что это планета названа в честь Трех Медведей, а не капитанов. Я полагал, что это одно и то же.

– Ты не видел ни одного медведя? – я не верил своим ушам.

– Ну почему, – смутился мой друг. – Видел. Один раз. Но эти трое на памятнике были так на них похожи...

– Ведь планета Трех Медведей в секторе 13-бис! – воскликнул я. – Крокс, ты опять водил звездолет в нетрезвом состоянии?

Крокозябра спрятал рыло в ворохе щупалец. Ему было очень стыдно.

– О каком памятнике ты сейчас говорил? – пришел ему на выручку я.

– На Планете Капитанов им поставили памятник высотой 70 метров 3 сантиметра, – глухо пробурчал мой друг, не отнимая щупалец.

– И что?

– А то, что у медведей точно такой же памятник! Как не ошибиться?

– Но медведи не говорят на земном языке! – настаивал я. – Они же звери!

– Так вот почему мне показалось, что они ругаются! – хлопнул себя по лбу Крокозябра. – Поэтому я просто кинул в их памятник парочку бомб и удрал.

– Но я слышал о землетрясении...

– И землетрясение – тоже, – покаянно кивнул мой друг.

– Ох, Крокозябра, ну что мне с тобой делать? – сокрушенно покачал головой я.

– Слушать. Причем очень внимательно, – и великий археолог, допив остатки валерьянки, стал рассказывать:

– Капитаны были великими и отважными людьми. Один из них был родом с Земли, другой – с Марса, а третий... Откуда же был третий? – рывкнул Крокозябра на подошедшего официанта. Тот подпрыгнул и чуть не выпустил из рук поднос с чашками.

– Трудно сказать, но, вероятно, с Мистера Фикса, – отозвался он, ставя поднос на наш столик.

– Почему ты так решил?

– Потому что у него была золотая фикса, – сказал робот. – Кроме мистерфиксианцев, никто их не носит.

– А, – и Крокозябра, ухватив щупальцами сразу три чашки, продолжил. – Так вот, и слава о них ходила с планеты на планету. Веселая троица развлекалась как могла. Это ведь они отыскали и уничтожили гнездо Большого Дракончика! Это они отыскали и уничтожили гнездо Малого Дракончика, чтобы он не смог прийти на помощь Большому! Это они отыскали и уничтожили гнездо птицы Рок – просто так, чтобы ее позлить! Это они отыскали и уничтожили гнездо космических пиратов, хотя оба они и спаслись! Это они отыскали философский камень, потерянный конвоем Пруссака в метановой атмосфере Галгофы!

– И тут же уничтожили? – догадался я.

– Нет уж, камень они оставили себе, – помотал головой Крокозябра. – А уничтожили они конвой Прусака, вернувшийся за камнем. Вообще об их подвигах можно говорить и говорить!

– Верно! – я хлопнул археолога по плечу, так что тот чуть не подавился салатом. – Я вспомнил о капитанах! Это же они провели серию дерзких налетов на мой зоопарк, чтобы отыскать и уничтожить там Среднего Дракончика, которого я с превеликим трудом вывез из джунглей Эвредиски!

– Уничтожили? – деловито поинтересовался мой друг.

– Мы договорились, – туманно пояснил я. Ну не посвящать же Крокозябру в детали (три магнитофона, три видеокамеры, три телевизора плюс пожизненный абонемент в Козоо на три лица).

– Вот! – триумфально поднял коготь Крокозябра. – С героями всегда надо по-хорошему! Мой друг потерял живот – валерьянка, видать, плохо приживалась – и продолжал:

– Несколько лет назад капитаны расплевались. Предание гласит, что они просто увлеклись разными объектами поиска с последующим их уничтожением. Но мне доподлинно известно, что виной расплева стал неподделенный философский камень, который подло забрал себе Второй Капитан. После безуспешной погони оставшиеся два капитана, не сговариваясь, послали друг другу одинаковые сообщения: «А, да пес с ним!» – и разлетелись в разные стороны.

– И что же с ними случилось? – поинтересовался я.

– Первый капитан засел за мемуары, назвав их «Два капитана», решив коренным образом отринуть предателя Второго. Второй же, в свою очередь, вроде бы погиб неизвестно где и неизвестно когда – к вящей радости оставшихся. Третий же решил найти еще один философский камень, для чего улетел куда-то к Мицару, где и пропал. Поговаривают, что до него наконец-то добрался Прусак, чей конвой так опрометчиво уничтожила троица.

– Понятно, – кивнул я. – Официант, кофе!

– Тебе не интересно? – округлил сразу все глаза Крокозябра.

– Очень интересно, – снова кивнул я. – Для любителя сказок. Но причем тут я?

– Ты тут совершенно ни при чем, – согласился со мной археолог. – Но что ты скажешь на такое известие: капитаны в своем свободном плавании встречали массу редких зверей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.